

«единоличное господство над Калмыцким народом мыслилось ему как начало, способное не только сплотить калмыков, но и наилучше регулировать отношение кочевников к русской власти на Юго-Востоке России».

В 1745 году прибывает к нему на Волгу знаменитый ойратский Просвитель *Зая-Пандита*, основатель калмыцкого алфавита и письменности. Имел ли этот приезд какую-нибудь связь с политикой Шукур-Дайчина или нет, неизвестно, но только в следующем 1646 году Шукур-Дайчин едет через владения Зюнгарского Правителя Батур-Хун-Тайджи в Тибет к Далай-Ламе для получения от него санкции власти над Калмыцким народом.

Эта его поездка продолжалась около 10 лет. В 1649 году в его отсутствие, оставшиеся на Волге калмыцкие князья отправили в Астрахань послов с изъявлением покорности России, следствием чего явился наказ, в котором говорилось, что Шукур-Дайчин-а и других калмыцких князей Царь русский держит в своем «милостивом призрении».

Трудно допустить, чтобы Шукур-Дайчин, мечтавший стать главой сильного суверенного народа, для чего пустившийся в такой долгий и трудный путь к далекому Далай-Ламе, ревностно оберегавший политическую независимость своего народа, убажкая из Волги, мог бы уполномочить остающихся князей от его имени изъять покорность России.

Скорее тут случилось то, чего так опасался Шукур-Дайчин: честолюбивые войоны, пользуясь отсутствием Правителя, повели свою самостоятельную политику: жлая изъявлением покорности списать к себе милость и внимание русской власти и, может быть, каждый из них тайно лелял мечту с помощью русских стать во главе своего народа.

Это изъявление покорности, однако, не мешало калмыкам продолжать нападения на русские села, города, завоевывать мелкие народы и т. п. Все подобные нападения калмыков проходили для них безнаказанно, ибо в политической жизни тогдашнего юго-востока России калмыки из себя представляли сильный фактор, чтобы приступить к решительным против них действиям. С ними все считались, упорно искали их дружбы. На эту их значительность в политической жизни того времени указывает и то обстоятельство, что на далекой Зюнгарию калмыки небольшими группами свободно и безнаказанно проходили на Волгу. Для народов, обитавших на этом их азиатском пути, обаяние силы и могущества монголо-ойратов было слишком еще свежо и сильно, чтобы у них родилась мысль потягаться силой с калмыками органической частью монголо-ойратов.

Ш. Балинов.

(Окончание послѣдует).

ХРОНИКА, ПЕЧАТЬ И ВѢСТИ С МѢСТ.

Из письма легионера-калмыка Манджика Шаршикова к редактору журнала „Улан Залат“.

Считаю своим долгом принести от своего имени и от имени своих друзей глубокую благодарность Вам за присланные газеты и журнал, каковыя мы с величайшим удовольствием читаем. Все-таки не забывают и заботятся о нас, далеко заброшенных судьбой под горячим солнцем Африки калмыках. От всех русских легионеров приносим величайшую благодарность Вам, исполняющему свой гражданский долг.

С большой отрадой узнали, что у Вас там не спит наша национальная, калмыцкая мысль, что имѣются у Вас разныя культурныя ячейки вплоть до О-ва футболистов. Слава Богу! Мы рады свободной мысли хоть и не на Родинѣ, хоть и на чужбинѣ пробуждающейся. В Вашем журналѣ мы находим знакомыя имена, которых мы знаем по наслышкѣ, других знали лично еще там, в Родных Краях.

Не легка жизнь легионеров. Эта жизнь проходит в сплошных тяжелых походах с рѣдкими отдыхами в сентябрѣ, октябрѣ мѣсяцах. Постоянныя опасности жизни, тяжелыя финансовыя страданія, духовныя муки, рождаемыя чувством полного разрыва от всего родного и, наконец, глубокая, постоянно преслѣдуемая тоска по Родинѣ, Родным Краям, милой стени — вот наша жизнь.

И так будет до окончанія службы, а там — гражданская жизнь уже со своими трудностями и со своими прелестями.

Нѣкоторым счастливым везет также и здѣсь, на службѣ. Лучшим по поведенію, болѣе развитым и способным к военной службѣ иногда удается выдвинуться по службѣ: сперва в капралы, а затѣм в сержанты. Сержант в Легионѣ занимает приличное положеніе и получает сносное содержаніе. Бывают случаи, что из получает сносное содержаніе. Бывают случаи, что из сержантов нѣкоторые счастливы из б. русских офицеров дослуживаются до чина лейтенанта, но это при наличии военных документов, а также — навѣстной претензии в военных сферах.

Лично моя служба не так уж тяжела; я устроился, слава Богу, хорошо. Окончил школу капралов и ожидаю производства в капралы. Будем очень рады поддѣрживать связь с нашими сородичами в Чехословакии. Кто знает? Быть может придет время и нам искать ма-мѣнскій уголок среди своих соотечественников. Мы будем очень рады и счастливы получать от время от времени письма, газеты, журналы.

Комитет по дѣлам калмыков-бѣженцев России в Софій сношеніем своим за № 66 выражает свое глубокое удовлетвореніе дѣятельностью Калмыцкой Комиссій Культурных Работников в Ч. С. Р. и выражает ей и всем ея сотрудникам свою искреннюю признательность за изданныя ею и присланныя в Болгарію книги. Выражает успѣха в работѣ Комиссій и просит впредь по дѣлам, касающимся калмыков, проживающих в Болгаріи, обращаться непосредственно к Комитету по дѣлам калмыков-бѣженцев в Софій.

Предѣдатель Польскаго Общества Ориенталистов прислал Калмыцкой Комиссій Культурных Работников в Ч. С. Р. ХАДАК*) при слѣдующем письмѣ:

Polskie Towarzystwo, Orientalistyczne
Société Polonaise d'Etudes Orientales.
Lwow (Léopol) Marszałkowska, 1.

Шлю Калмыцкой Комиссій Культурных Работников в Чехословакии искреннее пожеланіе успѣха в ея просвѣдательной дѣятельности — на благо всего Калмыцкаго Народа.

Prof. W. Kotwicz.

Из Болгаріи нам сообщает: В Софій по инициативѣ небольшого калмыцкаго кружка во главѣ с Башкур Давымовым и при ближайшем участіи русских артистов-любителей состоялся калмыцкій концерт в пользу мѣстнаго буддійско-церковнаго настоятельства и возбудил значительный интерес.

Нас глубоко радует подобныя начинанія наших соотечественников, в тяжких условиях чужбины проявляющих инициативу самопомощи. Пожелаем, чтобы это начинаніе нашло себѣ больше послѣдователей.

По журналу „Красная Печать“.

В Чехіи «грамотность означала: по складам читать Коран, большей частью не понимая смысла». Но советская власть приказала во что бы ни стало издавать чешскую «национальную» газету, приобщить чехов к марксизму, ленинизму и... газета «Серло» начала выходить.

*) Плат счастья, род продолговатого платка, дѣлаемого из шелковой матеріи.

Что до того, что «отсутствие литературных сил, знающих разговорный язык, арабскую письменность и по крайней мере понимающих смысл русских выражений для перевода, создает весьма своеобразные условия работы по изданию национальной газеты».

Развѣ такая маленькая вещь, как отсутствие просто грамотных людей, «понимающих смысл русских выражений», может служить препятствием для восприятия коммунизма и издания национальной газеты «Серло»? Она и выходит. Только составляет ее «русский товарищ, работающий некоторое время в другой национальной газетѣ в Кабардино-Балкарской области. Естественно, что он не владеет чеченским языком и, тѣм болѣе — чеченской письменностью. Следовательно, он составляет газету на русском языкѣ. Найти, однако, чеченца, который владел бы русским языком настолько, чтобы он мог бы читать и переводить на чеченский язык и чтобы он был настолько грамотен по-чеченски, чтобы перевод изобразить по-чеченски, — весьма трудная задача».

Но развѣ за этим дѣло станет?

«Редакция нашла выход». Она привлекла чеченку, владеющую русским языком и чеченским, но которая «не знает, однако, чеченской письменности».

«Таким образом, русский Редактор составляет газету на русском языкѣ, чеченка *устно* переводит с русского на чеченский, а чеченец-учитель перерабатывает материал на массовой, обиходный язык».

В результатѣ получается чеченская «национальная газета. Деньги тратятся, газета выдается, но только сами издатели очень сомневаются — доходит ли газета до аулов и читается ли она чеченцами. Очень радуются тому, что «По дорогѣ, в аулах Чечни мы увидѣли рамы окон, бережно оклеенные чеченской газетой «Серло». Значит (!), газета доходит, хотя с опозданием, до аулов. Можно думать, что она и читается...».

«Красная Печать», № 3, 1926 г.

Существует в Азии «дружественная С. С. С. Р. — Тивну-Тувинская Республика». Она имѣет свое министерство, правительственный аппарат и все прочее, но не имѣет маленькой вещи — своей письменности и своих грамотных людей. Тѣм не менѣе мировые «просвѣтители» ухитрились там издать тувинскую «национальную» газету.

«Началась... с того, что никак нельзя издать газету на языкѣ, не имѣющем письменности. Но за этим ли станет дѣло?»

Рѣшили перемѣнить номер тувинской газеты издать на монгольском языкѣ, «так как тувинский язык монгольскими знаками передать нельзя». Одним словом рѣшились на этот раз измѣнить коммунизму, ленинизму, ибо монгольским языком владеют немногочисленные тувинские богачи и чиновники, «таким образом, предстояло выпустить первый номер не для арата (бѣдняка), а главным образом для тѣх, кто тувинской революціей отвергнут».

Рѣшено и слѣзано. Добыли литографскій станок. Часть материала для номера дали сами тувинцы (!?), а «часть же подлежала переводу из московских газет. Но в Тивну-Тувѣ все, что имѣется — имѣется в единственном числѣ. Также и переводчик-монголист».

Этот послѣдній за «обѣщаніе безсмертія» перевел материалы. Дальше необходимо было написать оригинал для камня, а писать некому. Рѣшили мобилизовать «министров Республики».

«И вот взяли в работу «Дарм-Базыра» («Мицюста»), «Цеген-Подномо» («Мининудѣла»),... Всѣх надо было первым дѣлом обучить обращенію с литографской тушью и бумагой...»

И работа закончилась.

«Это был историческій «субботник» тувинских министров, трудившихся в числѣхъ писцов над созданием первого номера первой национальной газеты».

Но... «повыли оригиналы из газетной бумаги. Труды историческаго субботника погибли в двѣ минуты».

Затѣм для переписыванія вновь материалов погибшаго номера «был командирован секретарь министерства и генералом пѣзую велѣно он писал второй оригинал».

И... «31 августа 1926 года вышло «второе издание» первого номера первой тувинской газеты «Оскобожденная Туга» («Юрхе-чело-Пугуй-Туга»), первая национальной газеты в центрѣ Азии».

«Красная Печать», № 4.

В СССР издается мордовская «национальная» газета «Од-Веле» («Новая Деревня») — «единственная по всему СССР газеты на языкѣ «мокша».

И здѣсь пришлось «находить выход», так как: «У мордвы нѣтъ не только своей письменности, но и своих наборщиков. Русскими буквами мордовскія слова набирают русскіе же наборщики, совершенно незнакомые с мордовским языком».

Можно легко себѣ представить — какал «мордовская» газета получается. Тут только не сказано, кто дает материалы для газеты. Уж не сами ли неграмотные мордовцы пишут статьи о коммунизмѣ, марксизмѣ?

«Красная Печать» № 11.

Цаган.

Калмыцкій національно-религіозный годово́й праздник *Цаган* в этом году пришелся на 22—25 февраля. Вся калмыцкая эмиграция справляла этот праздник. Калмыцкая Комиссія Культурных Работников в Чехословакии свой національный праздник ознаменовала устройством 22 февраля своей учащейся молодежи и тѣм своим землякам, которые имѣли возможность принять участие, традиционный чай с борзиками и раздачей учащимся белек, а 25-го февраля вечера. В программу его вошли выступления учащихся калмыков с декламациями, однактивная пьеса на калмыцком языкѣ из жизни Чингис-Хана и его знаменитых сподвижников, концерт струннаго оркестра учащихся калмыков под управлением их стараго руководителя г. Сеймова и выступленіе с различными упражненіями калмыков-соколов. Выступленія послѣдних под командой их капитана гимназиста 8-го класса Далантинова было блестяще и встрѣтило восторженное отношеніе публики. Гимназисты Балюгинов и Тюльгинов демонстрировали калмыцкій танец. Послѣ окончанія программы были танцы. Вечер прошел весело и успешно. Гостям был предложен чай.

С. Б.

Калмыцкая Комиссія Культурных Работников в ЧСР приносит свою глубокую благодарность гг. Консулу Зезулак, стоящему во главѣ Учебнаго Комитета по оказанію помощи студентам-эмигрантам в Прагѣ, Директору Пражской Русской Реальной Гимназій Ф. С. Сушкову, оказавшим существенную матеріальную помощь Комиссіи в дѣлѣ устройства національнаго празднества учащимся калмыкам. Точно также Калмыцкая Комиссія считает своим долгом принести сердечную благодарность всѣм выступавшим на вечерѣ учащимся и распорядителям М. Даржинову, А. Балюгинову, Д. Тюльгинову, Далантинову.

Калмыцкая Комиссія шлет глубокую благодарность и проживающим в Югославии Бакшѣ М. Борннову, Бакшѣ Дж. Умальдинову, А. Абушинову, Санжѣ Кульдинову, Санжѣ Цуцукочу, Санчир Кучинову, Отку Дженгатинову, Кирсану Чиданову, Мархе Цунгурову, Замба Кульдинову, Учур Чурюмову, Эренцын Постинову, Гордѣю Манжикову, Джал Джувичову, Морма Коштанову, Басан Аникову, Михаилу Степкину, Алексѣю Коскинову, Рот Санчилеву, Санжа Бурушкину, Муша Джунтинову, Комор Переборову за присланный им для устройства празднества учащимся-калмыкам 475 к. ч. Также Калмыцкая Комиссія приносит братскую благодарность за присланный на тот же предмет 65 франков проживающим во Франціи Букта Уланову, Намча Улановой, Бора Шеренчинову, Василію Манжикову, Эрдиэ Демкину, Басан Иванову, Бадьмѣ Павлову, Церен Урсякову и Шарай Мухлынову. Калмыцкая Комиссія не может не цѣнить высоко вниманіе этих скромных труженников, чутко относящихся к жизни калмыцкой учащейся молодежи. В этом вниманіи залог свѣтлаго будущаго Калмыцкаго Народа.

Изданіе Калмыцкой Комиссіи Культурных Работников в Ч. С. Р., Revuece u Prahy, č. 120, Tchecoslovaquie. Ответственный редактор Фр. Ризтер. Тип. «Legigrafie», Praha-Vršovice, Šáмова 685.